

Фронтовые дневники: содержание, особенности и потенциал источника (на примере источников периода Великой Отечественной войны)

Александр С. Кузнецов^{a, b, @, ID}

^a СОШ № 70, Россия, г. Барнаул

^b Алтайский государственный педагогический университет, Россия, г. Барнаул

@ hist-kas@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0003-1400-8671>

Поступила в редакцию 21.01.2020. Принята к печати 21.05.2020.

Аннотация: Автор обращается к проблеме содержания, особенностям и потенциалу фронтовых дневников как источнику для изучения антропологического содержания Великой Отечественной войны. Рассмотрев точки зрения ведущих советских и современных специалистов в области источниковедения и методологии исторической науки, автор выделяет три взгляда на место дневников в источниковой классификации: эго-документы, объединение дневников и мемуаров в термин *мемуаристика* и выделение дневниковых записей в отдельный вид источников в составе группы документов личного происхождения. Использование метода контент-анализа позволило выявить наиболее важные моменты для авторов дневников, находящихся в экстремальных условиях военной повседневности. Биографический метод помог на основе анализа дневниковых записей сформировать образ человека *воюющего* в период Великой Отечественной войны. Сделан вывод, что фронтовые дневники обладают большим потенциалом для изучения военной повседневности, санитарно-бытовых условий, хода боевых действий глазами рядового участника, психологии человека воюющего, восприятия противника в период Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: источники личного происхождения, эго-документы, источниковедение, потенциал источника, антропологическое содержание Великой Отечественной войны

Для цитирования: Кузнецов А. С. Фронтовые дневники: содержание, особенности и потенциал источника (на примере источников периода Великой Отечественной войны) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 2. С. 329–339. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-329-339>

Введение

В последние десятилетия в отечественной историографии под влиянием зарубежных работ наблюдается интерес к междисциплинарному и антропологическому подходам в изучении прошлого. Во многом это связано с тем, что зачастую традиционно историки занимались исследованием истории «больших людей» – монархов, государственных деятелей, выдающихся личностей. Архивы укомплектовывались преимущественно официальными документами, отражающими государственную жизнь, экономическое развитие, данные статистики. Простой человек с его чувствами, эмоциями, переживаниями оставался на обочине исторического знания. Как справедливо отметил А. К. Соколов, «нужно иметь в виду, что мысли, чувства, радости, страдания, мечты предшествующих поколений часто не оставляют ничего большого, кроме смазанных следов в исторических источниках, к тому же представленных в зашифрованной форме» [1, с. 66]. В связи с этим в поле зрения ученых попадают документы личного происхождения – воспоминания (мемуары), дневники и письма, которые позволяют применительно к исследуемой теме, увидеть Великую Отечественную войну глазами рядовых участников изучаемого события.

Целью данной статьи является анализ содержания, выявление особенностей и определение потенциала фронтовых дневников как источника для изучения антропологического содержания Великой Отечественной войны. Автор стремился выявить ценность дневниковых записей как источника для изучения военной повседневности (фронтовой быт, санитарно-бытовые условия, ход боевых действий глазами рядового участника, а также психология человека воюющего, восприятие противника).

В отечественном источниковедении нет единой точки зрения относительно места дневников в источниковой классификации. Существует несколько подходов по данному вопросу. Первый – включение дневников в т. н. эго-документы [2–9]. Данный термин был введен профессором Амстердамского университета Жаком Прессером еще в середине 50-х гг. XX в. с целью объединения в одну группу произведений различных жанровых форм, изучением которых он занимался (автобиографии, мемуары, личные дневники и письма) [9, с. 107]. В отечественную историческую науку эго-документы пришли из филологии, где под эго-документом понимается текст, в котором центральной является Я-конструкция, т. е. такой способ

изображения своей жизни индивидуумом, при котором представляется возможным с той или иной степенью достоверности достичь понимания его личности: менталитета, восприятия действительности, пережитых эмоций, приобретенного жизненного опыта [9, с. 110].

Второй подход – выделение дневников в отдельный вид источников в составе группы документов личного происхождения [10–15]. Данный подход является наиболее распространенным. По мнению крупнейшего отечественного исследователя дневников и мемуаров Отечественной войны 1812 г. А. Г. Тартаковского, ценность дневников как источников для исторических исследований и их отличие от других документов личного происхождения таковы: «И пусть, когда пройдут годы и десятилетия, появятся обширные мемуарные повествования, восстанавливающие не распознанную в свое время связь между событиями, их неизвестные ранее или вовсе "засекреченные" обстоятельства, о которых и заикнуться прежде было опасно, – всё равно это никогда не заменит дневников. Если прошлое не удалось каким-либо образом "застенографировать", существенные его черты в самой "нетленности", в реальных (а не осмысленных задним числом) сцеплениях и динамике будут безвозвратно и невосполнимо потеряны для потомков»¹.

С. С. Дмитриев, признавая близость дневников, воспоминаний и писем, подчеркивал самостоятельность каждого из этих трех видов источников и разность приемов их изучения, использования и отыскания [16, с. 395], отмечал некоторое сходство дневников и частных писем, отличающее их от воспоминаний: «Дневники и частные письма по своей природе имеют преимущественно интимный, доверительный характер, они нужны и доступны во время их создания для самого пишущего и, кроме него, еще для немногих лиц. В отличие от них воспоминания обычно пишутся с прицелом на читателей» [16, с. 393].

Сторонники третьего подхода не выделяют дневники в отдельный вид источников личного происхождения. Так, Н. П. Матханова объединила дневники и воспоминания в один термин *мемуаристика*: «Я придерживаюсь в основном позиции С. В. Житомирской и рассматриваю мемуаристику как собирательное понятие, включающее в себя автобиографии, воспоминания (в том числе некоторые некрологи), дневники и путевые записки. При этом в качестве промежуточных разновидностей выступают дневники / путевые записки и воспоминания / путевые записки» [17, с. 50]. По мнению С. В. Житомирской, близость дневников и воспоминаний проявляется в том, что краткие дневниковые записки впоследствии могут превратиться в близкий к воспоминаниям более связный, последовательный рассказ; воспоминания могут быть построены на дневниках или включать их в себя [18, с. 42]. Дневники и воспоминания объединил в одно понятие *мемуаристика* и В. В. Кабанов [19, с. 640].

По мнению автора данной статьи, наиболее обоснованно выделять дневники как часть группы документов личного происхождения, при этом разграничивая дневниковые записки и мемуары. В качестве аргументации приведем цитату Ю. А. Русиной – автора современных учебных пособий по истории, теории и методологии источниковедения: «Определенные различия между мемуарами и дневниками связаны с особенностями в системе отражения действительности – синхронной в дневниках и ретроспективной в воспоминаниях. Существенны различия в типе и структуре повествования: связный сюжетно-организованный рассказ в воспоминаниях, дискретные (раздельные, прерывистые) записки в дневниках. Различен характер коммуникативности (передача информации в ходе общения). Дневник по своей природе автокоммуникативен (автор передает сообщение самому себе), в момент ведения он рассчитан главным образом на внутренние потребности самого автора, не предназначается к прижизненному обнародованию, часто секретен для окружающих – и это его качество остается достаточно стабильным в течение длительных исторических периодов. В воспоминаниях, даже на ранних стадиях развития мемуаристики, автокоммуникативность размыта, а в ходе развития жанра коммуникативность обретает внешнюю направленность» [20, с. 179]. А. Г. Тартаковский также выделил внешнюю коммуникативность и ретроспективность мемуаров как источников: «Итак, мы подробно рассмотрели наиболее существенные признаки мемуаров – личностно-субъективное начало как их организующе-структурный принцип, ретроспективный характер воссоздания действительности и память как его специфическое средство» [21, с. 34].

Таким образом, рассмотрев точки зрения ведущих советских и современных специалистов в области источниковедения и методологии исторической науки, автор выделяет три точки зрения на место дневников в источниковедческой классификации: эго-документы, объединение дневников и мемуаров в термин *мемуаристика* и выделение дневниковых записей в отдельный вид источников в составе группы документов личного происхождения. Если для первого подхода наиболее важным является Я-конструкция, а для второго то, что краткие дневниковые записки впоследствии могут превратиться в близкий к воспоминаниям более связный, последовательный рассказ, то для третьего важны синхронность с описываемыми событиями и интимный, доверительный характер содержания дневниковых записей (в большинстве случаев) по сравнению с другими видами документов личного происхождения.

В связи с особенностями освещения истории Великой Отечественной войны в советский период всплеск интереса к документам личного происхождения (в нашем случае к дневникам) произошел лишь в последние десятилетия. Здесь стоит выделить работы Е. С. Сеньявской [22; 23], И. Г. Тажидиновой [3; 24], в которых авторы анализируют содержание фронтовых дневников, освещают методы

¹ 1812 год... Военные дневники / сост., вступ. ст. А. Г. Тартаковского. М.: Сов. Россия, 1990. С. 5.

работы с данными документами, выявляют особенности дневниковых записей как источников.

В данной статье в качестве источниковой базы выступают фронтовые дневники, которые были либо обнаружены автором в ходе историко-этнографических экспедиций АлтГПУ [25], либо были опубликованы в последние годы², но комплексный анализ их содержания не был проведен специалистами.

Основными принципами исследования являлись объективность и историзм. Принцип историзма позволил изучить антропологическое содержание Великой Отечественной войны. Принцип объективности в исследовании связан с привлечением разнородных исторических источников для обоснования выводов. Идиографический метод позволил автору определить уникальность и неповторимость событий Великой Отечественной войны в истории России как для ее очевидцев, так и для современных науки и общества. С помощью сравнительно-исторического метода нам удалось выявить разные взгляды в отечественном историческом знании относительно места дневников в источниковой классификации. Использование метода контент-анализа позволило выявить наиболее важные моменты для авторов дневников, находящихся в экстремальных условиях военной повседневности. Просопографический метод помог нам на основе анализа дневниковых записей сформировать образ человека воюющего в период Великой Отечественной войны.

Фронтовые дневники – уникальные и самые немногочисленные источники личного происхождения о Великой Отечественной войне. В количественном отношении они уступают другому ценному источнику военного периода – письмам. Это объясняется, во-первых, тем, что в Красной Армии для рядового состава существовал запрет на ведение дневниковых записей, и немногие его нарушали [1, с. 329–330]. «Ведение дневников офицерами также, мягко говоря, не поощрялось (боялись, что они могут попасть в руки врага), да и не все имели такую возможность»³. Во-вторых, отсутствием времени, бумаги и условий для ведения дневников у солдат и офицеров в экстремальной повседневности боевых действий.

Фронтовые дневниковые записи имеют свои достоинства перед другими источниками личного происхождения. Дневники не проходили через военную цензуру, поэтому авторы в них могли писать честнее, свободнее, эмоциональнее реагировать на экстремальные ситуации военного времени. «Не обремененные нахождение сквозь "сито" военной цензуры, дневники хорошо отражают динамику событий и личных переживаний, освещают широкий спектр

настроений и жизненных ситуаций комбатантов и мирных граждан» [24, с. 40]. При этом стоит отметить некоторые недостатки дневников, в частности краткость изложения. Вероятно, это вызвано многими факторами, такими как скрытность ведения дневника, отсутствие свободного времени, психологические особенности автора, а порой и нехватка письменных принадлежностей.

Фронтовой дневник – ценный источник для изучения военной повседневности и психологии человека воюющего (комбатанта). Значительную часть содержания проанализированных автором статьи дневниковых записей составляют описания служебных обязанностей, боевых действий и личного участия комбатантов в них, что можно объяснить двумя причинами. Первая – дневник в суровых условиях военной повседневности служил для их создателей средством психологической разрядки. Вторая причина касается участия в войне, а именно значимости данных событий для авторов дневников.

Публикация фронтовых дневников началась еще в советское время и продолжается до сих пор, но зачастую это мемуарные произведения, написанные на основании дневников и других источников информации, поэтому они не входят в границы нашего исследования⁴.

Авторы дневников

В данной работе автор под дневником подразумевал не ретроспективный, а синхронный, автокоммуникативный источник. Для большей объективности интерпретации источниковой базы исследования обратимся к биографии авторов дневников. Первый из авторов – **Анатолий Николаевич Дзякович** – родился в дворянской семье в пригороде Киева в 1910 г., но вся его сознательная жизнь прошла в Саратове. Здесь он учился в школе, затем на химическом факультете Саратовского университета. В мае 1941 г. его как военнообязанного запаса направили в летние полевые лагеря Приволжского военного округа (ПриВО). В середине июня 1941 г. 21-я армия (63-й и 66-й стрелковые корпуса) срочно была направлена на пополнение войск Белорусского военного округа. 53-я стрелковая дивизия, в которой воевал А. Н. Дзякович, участвовала в боях за Белоруссию, но в октябре 1941 г. воинское соединение оказалось в окружении, а в ноябре 1941 г. А. Н. Дзякович вместе с оставшимися бойцами дивизии попал в плен – в лагерь для военнопленных на территории Белоруссии, затем бежал оттуда и жил в оккупированном Жлобине, а в мае 1942 г. ушел к партизанам и активно участвовал в партизанском движении до 28 июня 1944 г., когда он и его

² Мы все войны шальные дети...: дневники периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. / редкол.: В. Н. Данилов и др. Саратов: Приволжское изд-во, 2010. 242 с.; Письма с фронта любимым... Сборник писем и воспоминаний военных лет / сост. Г. Н. Белоглазова. Барнаул: А.Р.Т., 2007. 384 с.; Ширяев К. Г. Путевые заметки за границей (02.02.1945–17.09.1945) // Краеведческие записки / отв. ред. В. А. Скубневский. Барнаул: Алтайский полиграфический комбинат, 2005. Вып. 6. С. 39–81.

³ Мы все войны шальные дети... С. 6.

⁴ Иноземцев Н. Н. Фронтовой дневник. М.: Наука, 2005. 518 с.; Лукницкий П. Ленинград действует...: фронтовой дневник. Кн. 1. М.: Советский писатель, 1976. 672 с.; Лукницкий П. Ленинград действует...: фронтовой дневник. Кн. 2. М.: Советский писатель, 1976. 592 с.; Лукницкий П. Ленинград действует...: фронтовой дневник. Кн. 3. М.: Советский писатель, 1976. 576 с.

отряд воилов в ряды Красной Армии. После войны Анатолий Николаевич вернулся в Саратов, преподавал химию и технологию металлов в Саратовском индустриальном техникуме. Среди его учеников был Ю. А. Гагарин. Но здоровье было подорвано испытаниями военных лет, и в декабре 1968 г. после продолжительной болезни Анатолий Николаевич Дзякович скончался⁵.

Дневник А. Н. Дзяковича начинается 1 октября 1941 г., в нем – записи, сделанные во время отступления, пребывания в Белоруссии в лагере военнопленных, подготовки побега и жизни в Жлобине. Большая часть записей посвящена событиям, происходившим в тылу врага на территории Белоруссии в Гомельской области, где он был в партизанском отряде. Дневник Дзяковича заканчивается записью о соединении партизанских формирований с частями действующей армии⁶. В дальнейшем он уже не участвовал в военных действиях, поскольку перешел на административную работу в освобожденном от фашистов городе Жлобине.

Второй автор анализируемых источников – **Иван Яковлевич Кузнецов** – родился в Саратове в 1902 г. В 1922 г. он начал службу в Красной Армии. С 1929 г. И. Я. Кузнецов обучался во 2-й Ленинградской артиллерийской школе, после окончания которой служил в Ленинградском военном округе в качестве командира взвода, затем – батареи, дивизиона 19-го корпуса артиллерийского полка. В 1936–1937 гг. он являлся исполняющим должность начальника полковой школы своего корпуса, а в начале 1938 г. был назначен исполняющим должность помощника командира полка того же корпуса. С сентября 1938 г. до февраля 1939 г. И. Я. Кузнецов находился за пределами СССР – принимал участие в Гражданской войне в Испании.

В марте 1939 г. он вернулся на службу в Ленинградский военный округ. В сентябре того же года он был назначен начальником артснабжения 8-й армии. В этот период И. Я. Кузнецов участвовал в советско-финляндской войне. После включения Эстонии в состав СССР был создан Прибалтийский военный округ, в сентябре 1940 г. И. Я. Кузнецов был назначен на службу в артиллерийское управление округа. В начале Великой Отечественной войны он стал начальником артиллерии 41-го стрелкового корпуса Северо-Западного фронта, а с сентября 1941 г. – заместителем командира 73-го корпуса артиллерийского полка Ленинградского фронта. С декабря 1941 г. до марта 1942 г. И. Я. Кузнецов выполнял поручения по распоряжению отдела кадров Главного управления кадрами артиллерии. А позднее – до сентября 1944 г. – был командиром 1100-го пушечного артиллерийского полка Резерва Главного командования, 71-го пушечного артиллерийского полка. С сентября 1944 г. до апреля 1946 г. И. Я. Кузнецов командовал артиллерийским полком

в составе 2-го Белорусского фронта. В августе 1946 г. был уволен в запас. Сведений о жизни и деятельности Ивана Яковлевича после его увольнения из армии не имеется. Умер он в Саратове 11 июня 1962 г.⁷

И. Я. Кузнецов в отличие А. Н. Дзяковича был профессиональным военным. Ведение боевых действий было для него повседневным трудом. На тех страницах его дневника, где описаны фронтовые будни, зафиксированы все подробности подготовки и проведения боевых операций. Свои чувства И. Я. Кузнецов высказывает преимущественно по поводу недостатков в их организации или по поводу событий, которые его возмущали в тыловой жизни. Его дневник представляет особую ценность, т. к. он велся на протяжении всего периода Великой Отечественной войны: он начат в середине июня 1941 г. и окончен в июле 1945 г.⁸

Третий автор дневников – **Марат Сергеевич Шпилев** – родился в городе Аткарске Саратовской губернии в 1924 г. В 1937 г. отец М. С. Шпилева был репрессирован. В начале Великой Отечественной войны М. С. Шпилев учился в Куйбышевском училище речного флота. В августе 1942 г. он был призван Энгельсским военкоматом в армию и направлен на учебу в Тамбовское военное училище. Закончить обучение М. С. Шпилеву не удалось, потому что в конце февраля 1943 г. курсанты были отправлены на фронт. Участие в боевых действиях он начал командиром минометного расчета в составе 115 стрелковой отдельной бригады. В декабре 1943 г. служил рядовым связистом батареи минометов в 16-м гвардейском кавалерийском полку 4-й гвардейской кавалерийской дивизии 2-го гвардейского кавалерийского корпуса им. Доватора в составе Белорусского фронта (с 17 февраля 1944 г. – 1-го Белорусского фронта). В марте 1944 г. М. С. Шпилев был направлен в корпусный учебный дивизион, в апреле 1945 г. получил звание старшего лейтенанта и возвратился на фронт. В 1947 г. М. С. Шпилев был демобилизован. После демобилизации он жил в городе Энгельсе Саратовской области. Еще в годы войны проявился у Марата Сергеевича талант художника. В послевоенное время М. С. Шпилев смог найти применение своим разносторонним способностям. Он работал художником в городском парке, в драматическом театре, руководил изобразительным, туристическим и фото-кружками во Дворце пионеров. С 1959 г. и до конца своей жизни он работал главным художником и фотографом труппы № 3 «Энгельсхимстрой». Также Марат Сергеевич сотрудничал в «Новой газете», выходящей в Энгельсе. Умер М. С. Шпилев 18 декабря 1997 г.⁹

Дневник М. С. Шпилева охватывает период с 23 декабря 1943 г. по 17 февраля 1944 г. Автор принимал участие

⁵ Мы все войны шальные дети... С. 14–15.

⁶ Там же. С. 16–83.

⁷ Там же. С. 84.

⁸ Там же. С. 85–266.

⁹ Там же. С. 268.

в боевых действиях на Украине, в том числе в ее западных областях. Этот документ в основном отражает личные переживания его автора, молодого человека, призванного в армию уже во время войны. Он был человеком сугубо мирного склада, главный мотив записей его дневника – трагическое восприятие постоянной угрозы смерти¹⁰.

Четвертый автор дневниковых записей – **Константин Георгиевич Ширяев** (1913–1980). Уроженец с. Ермолиха Алтайского округа, учитель, участник Великой Отечественной войны с 1942 г. по 1945 г.¹¹ О послевоенной жизни Константина Георгиевича сведений не имеется. Дневник К. Г. Ширяев вел с 2 февраля по 17 сентября 1945 г. Дневниковые записи Константина Георгиевича посвящены описанию городов и деревень Венгрии, в которых по долгу службы он побывал, описанию военных будней, досуга солдат и офицеров в освобожденной Венгрии, фиксации личных впечатлений автора. Последние записи дневника посвящены описанию дороги на родину.

Еще один автор дневников – **Сергей Яковлевич Беседин** – родился 20 июня 1919 г. в поселке Алексеевском Никольского сельского совета Панкрушинского района Алтайского края. После окончания семи классов начал работать в органах НКВД. 7 февраля 1940 г. был призван в РККА. С. Я. Беседина направили в учебный артиллерийский полк. Поскольку в это время шла война с Финляндией, сначала будущих артиллеристов готовили к отправке на фронт. После заключения мира с финнами часть личного состава перевели в Армянскую ССР. С началом войны полк, в котором служил Сергей Яковлевич, был переброшен на границу с Турцией, но уже через три месяца он участвует в боях на подступах к Ростову-на-Дону. В 1941–1943 гг. С. Я. Беседин воевал в Ростовской, Краснодарской областях, позже в составе 2-го Украинского фронта участвует в освобождении Украины, Польши. Свой боевой путь С. Я. Беседин завершил в Восточной Пруссии. После войны работал заведующим военным отделом райкома, затем начальником АХЧ в районном военкомате, в 1975 г. вышел на пенсию как инвалид войны. О дальнейшей жизни Сергея Яковлевича информации нет¹².

Дату начала ведения дневника установить невозможно, поскольку первые страницы отсутствуют. Записи начинаются с 13 октября 1941 г., последняя датируется 28 июнем 1946 г. Иногда записи прерываются на один-два месяца или автор делает одну пометку за несколько месяцев: «Апрель-май-июнь-июль. Находились в р-не г. Миллирово на формировании. Крепко подучились к боям»¹³. Всего в дневнике 82 страницы. Сергей Яковлевич служил в артиллерии, младший политрук (лейтенант), на фронте вступил в ВКП(б), награжден Орденом Красной Звезды.

Дневник написан довольно сухим, лаконичным языком. Даже описание тяжелых боев, трудных погодных условий у С. Я. Беседина похоже на оперативную сводку или доклад старшему по званию. Это можно попытаться объяснить запретом ведения дневников в Красной Армии, отсутствием времени, сил и большего количества бумаги для создания подробного повествования о боевых буднях. С другой стороны, можно предположить, что профессиональные обязанности автора источника повлияли на содержание дневниковых записей. Даже в отношении себя С. Я. Беседин как политический работник был строг и не допускал жалоб, панических настроений.

Последний автор источников – **Деомид Матвеевич Кожуховский** – родился 17 августа 1919 г. в Хакасии. В 1935 г. он окончил семь классов, затем поступил учиться в трехгодичное горнопромышленное училище, получил специальность «шахтовый электрослесарь». После окончания училища его направили работать на рудник Улень Богградского района в Хакасии. Там он и работал, пока в сентябре 1939 г. его не призвали в армию. Служил он на станции Дивизионная, в Улан-Удэ, через полгода в армии получил специальность пиротехника.

Когда началась война, Д. М. Кожуховский попал в 363-й стрелковый полк. С 14 октября 1941 г. до 21 июня 1944 г. его полк держал оборону по реке Свирь между Онежским и Ладожским озером. 5 сентября 1944 г. с Финляндией было заключено перемирие. Затем полк отправили на север, на прорыв оборонительных рубежей. Вышли на границу с Норвегией в районе города Керкенес. Норвегия, чтобы сохранить армию, вывезла войска в Англию. Дивизия, где служил Деомид Матвеевич, с марта 1945 г. в боевых действиях уже не участвовала. У солдат появилось больше свободного времени, а у Деомид Матвеевича – возможность писать. Он из немецких бумажных мешков для продуктов изготовил две толстые тетради и стал вести дневник. Записывал туда стихи, песни, популярные в то время; рассказы однополчан-балагуров, описывал жизнь и быт солдат. После войны Д. М. Кожуховский работал электромонтером в г. Черногорск, затем учился в Ташкентской технической школе, где получил специальность «Мастер по строительству искусственных сооружений». Сейчас Деомид Матвеевич проживает в поселке Новосиликатный г. Барнаул¹⁴.

Авторы анализируемых дневников различаются местом рождения, возрастом, довоенной профессией, родами войск, в которых служили, званием, продолжительностью участия в войне, местом службы, что дает нам основание считать данную выборку источников репрезентативной для исследования изучаемой проблемы.

¹⁰ Там же. С. 269–289.

¹¹ Ширяев К. Г. Путевые заметки за границей (02.02.1945–17.09.1945)...

¹² Архивный отдел Администрации Панкрушинского района Алтайского края. Ф. 109. Оп. 1. Д. 15. Л. 1–12.

¹³ Там же. Л. 10.

¹⁴ Письма с фронта любимым... Сборник писем и воспоминаний военных лет... С. 98–99.

Антропологическое содержание Великой Отечественной войны

Во всех проанализированных источниках описание быта занимает довольно значимое место. Фронтовой быт или уклад повседневной жизни в боевой обстановке – «заполнение» времени служебными обязанностями (несение караульной службы, обслуживание боевой техники, забота о личном оружии, выполнение других работ, свойственных родам войск и военных профессий, и т. д.), а также часы отдыха и досуга, в том числе организованного, т. е. все то, что составляет распорядок дня [23, с. 74]. Наиболее подробно фронтową повседневность описывал в своем дневнике Д. М. Кожуховский. Практически в каждой фиксации Деомид Матвеевич касался данного вопроса. Вероятно, это объясняется тем, что дивизия, в которой служил Д. М. Кожуховский, с марта 1945 г. в боевых действиях не участвовала¹⁵. У солдат появилось больше свободного времени, и каждый тратил его по-своему. Видимо, для Деомид Матвеевича (который участвовал в войне с 1941 г.) написание дневника стало рефлексией по поводу пережитых событий. Стоит отметить, что помимо описания фронтовой жизни Д. М. Кожуховский в своем дневнике фиксировал солдатский фольклор: стихи, песни. В качестве примера приведем цитату из белого стиха: «С тех пор, как штыковой удар вашей красоты основным уколом поразил моё сердце и нанёс рану глубиной полного профиля, я не могу заснуть после отбоя, я всё думаю о вас.

Как хотелось бы мне сейчас обнять шейку приклада, прижать к плечу и плавно опустить поцелуй на ваши алые губки. Я восхищён вами, смотря на ваше фото, как новый чехол малопехотной лопатки. Ваш ласковый голос можно сравнить с голосом дневального, произносящим любимую команду – приготовиться на обед или отбой.

Из-за вас я стал такой рассеянный, превзошёл все законы рассеивания, днём и ночью, с наименьшим безопасным прицелом, веду автоматический огонь своими мыслями через головы миллионов людей по вашему ярко пылающему сердцу, являющемуся отличной мишенью для такого стрелка, как я...»¹⁶. По мнению автора, содержание данного стиха иллюстрирует несколько нюансов из повседневной жизни солдат. Во-первых, сам факт написания такого произведения дает основание полагать, что у его автора было свободное время. Во-вторых, автор обращался к женщине, что для бойцов, долгое время не видевших представительниц прекрасного пола, не говоря уже о женах и возлюбленных, является своего рода общением с ними. В-третьих, шутовское содержание белого стиха, с одной стороны, иллюстрирует как солдатский юмор, так и остроту «женского вопроса», поскольку если бы эта тема не волновала бойцов, стихотворение бы не вызвало интерес Д. М. Кожуховского. Несмотря на шутовское содержание стихотворения, Деомид

Матвеевич постарался сохранить его, что свидетельствует о ценности для комбатанта данной информации.

Дневник гвардии капитана Константина Георгиевича Ширяева является ценным источником для изучения повседневности офицеров и солдат Красной Армии в последние месяцы войны. В качестве конкретно-документального свидетельства приведем запись от 6 февраля 1945 г.: «К моменту нашего приезда в Цеглед наши ребята организовали встречу: привезли откуда-то две огромные бочки по 1000 л каждая вина. Несмотря на то, что у бочек часовые, почти все были пьяны в дым. Мне сразу предложили попробовать из котелка. Каждый шофер имел ведро с вином, которое привязано под кузов. У бочек гвалд, шум. Пришлось снять часовых, посадить на гауптвахту, а вино откатили в склад.

Во время пребывания в Цегледе самое разнообразное вино лилось рекой. На гауптвахте меньше 10 человек не бывало, один чужак чуть не утонул в бочке. Выбив дно поленом, ухнула туда с головой, шапка всплыла. Каждый сержант имел чуть ли не склад с вином (тайно). Особенно отличались десантники. Увели со двора козу. На воротах написали: "Добровольна ушла служить в десантные войска". На следующей улице: двое продают, двое эту же козу уводят. Стрельба в городе, как на передовой. Стреляют чуть ли не из артиллерии. Интересна деталь: в отместку за утонувших в Днепре неудачно брошенных десантников мстили летчикам: "На Днепре был?" "Был". "Прыгай с моста!" И прыгали с высокого моста в воду метров на 15»¹⁷. По мнению автора, эти записи объясняются и диковинностью происходящего для человека, пережившего четыре года суровой, военной повседневности; и появлением в определенной степени свободного времени у солдат и офицеров РККА на завершающем этапе Великой Отечественной войны; и менее жестким контролем со стороны начальства, что позволяло свободнее вести дневниковые записи.

Особняком в описании военной повседневности стоит дневник старшего лейтенанта А. Н. Дзяковича. Анатолий Николаевич довольно подробно описывал тяжелые условия плена и партизанской жизни, и остается только догадываться, как ему удалось в таких нечеловеческих условиях сохранить две тетради дневника: «7.7.43. Сегодня на рассвете приехали в Коротковичи. Ехали через Антоновку, кот[орая] сожжена н[емцами]. Жители частично перебиты, частично разбежались. Детишки были брошены в колодец, и к ним вслед брошена граната.

На восходе солнца нас разбудили выстрелы. Н[емцы] окружили нашу деревню. Убегали под огнем. Мне пришлось бросить вещмешок. Когда бежал, чуть не задохнулся. Еле выскочили и сейчас сидим в болоте все сырые по шею. Холодно, болото воняет. Собралось нас из разных групп человек 10 да гражданских человек 15. Неужели придется погибнуть? Сейчас посмотрю фото семьи и спать. Совсем устал.

¹⁵ Там же. С. 99.

¹⁶ Там же. С. 100–101.

¹⁷ Ширяев К.Г. Путевые заметки за границей (02.02.1945–17.09.1945)... С. 40; Здесь и далее сохранена орфография и пунктуация дневников.

<...> Когда уснул, видел жену так, как она у меня на фото: сидит на диване, улыбается. Как бы хотел увидеть ее и отдохнуть, сбросить около неё колоссальную усталость, накопившуюся за эти годы. Перевязку сегодня не делал – нечем. В настоящее время у меня заживающие карбункул и фурункул и 4 фурункула в полном расцвете. Живем на нервах, а нервы расшатаны.

Тоска, а природа живет своей отличной от войны жизнью. Ветер шумит верхушками крон. На сосне суетится белка. Деловито стучит дятел. В болоте тоскливо кричат журавли. И все покрывает могучая неизъяснимо полная песня соловья, которая как бы пропитывает весь лес. А мы блокированы, нечего кушать, и смерть со всех сторон заглядывает нам в лица»¹⁸. Это одна из многих записей, поскольку дневник Анатолий Николаевич вел с 1 октября 1941 г. по 28 июня 1944 г. Вероятно, ведение дневника для А. Н. Дзяковича стало своего рода психологической опорой для выживания в крайне экстремальных условиях. Описание смертельной опасности перемежается с описанием летней природы, что можно объяснить попыткой автора хоть немного отвлечься от суровой действительности, защитным механизмом человеческой психики в условиях крайнего напряжения и физических, и духовных сил. Видимо, по этой же причине Анатолий Николаевич часто вспоминает довоенную жизнь, свою семью.

Часто в дневниках комбатанты (человек воюющий) обращались к теме выполнения служебных обязанностей, обстановки на их участке фронта, к успехам и неудачам боевых операций, в которых они участвовали, давали свои оценки происходящему. В этом аспекте выделяется дневник профессионального военного – полковника Ивана Яковлевича Кузнецова. «28 июня (1941 г. – А. К.). Командование фронтом снято, это правильно, потому что дальше так продолжаться не может, пора навести порядок в штабе фронта. Ведь мы, грубо выражаясь, скачем как "блохи" с одного места на другое, за 6 дней войны мы сменили 4 КП. Никакого руководства войсками, войска предоставлены сами себе, связи нет. По меньшей мере, это можно расценивать как неспособность штаба руководить войсками, а если больше сказать – предательство»¹⁹. Иван Яковлевич видел неудачи первых дней войны в неумелом командовании армией. Приведем еще одну запись из дневника, касающуюся попытки наступления отдельных частей Ленинградского фронта в октябре 1941 г.: «5 октября (1941 г. – А. К.). Семь дней, как я на новом месте. Вошел в курс работы, командир полка оказывает полное доверие. Сегодня осматривали матчасть и винтовки в дивизионах, наши все в порядке, кроме 2-го дивизиона. Вооружение содержится безобразно, написал проект приказа, командир

и комиссар согласились. Семь дней я уже на Ленинградском фронте, живу в Доме Советов. За эти дни многое я пережил морально в том отношении, что мы – армия, подпустили немца к воротам города Ленина – колыбели пролетарской революции. Все надежды на нашу пехоту, защищающую подступы к этому великому городу, рушатся. Обидно и смешно, но факт; 44-я дивизия в направлении Урицк – Нов[ое] Попово в течение 2-х дней продвинулась на 150 метров.

Некоторые могут подумать, что у него – немца, созданы здесь какие-то сверхъестественные укрепления. Никаких укреплений сверхъестественных нет, а просто [наше] неумение организовать наступление. Ведь факт, что все держится только благодаря артогню. 4-го числа, будучи на КП 35-го СП, я был очевидцем, когда 3/35-й СП в течение 3 часов лежал на поле, никем не обстреливаемый, и требовал открытия артогня для поднятия морального духа своего батальона. Это не анекдот, а факт. Дальше так воевать нельзя...»²⁰. Подобное негативное отношение к пехотинцам и похвала артиллеристов объясняется, во-первых, профессией Ивана Яковлевича. Во-вторых, разочарованностью автора итогами первых месяцев войны.

Наиболее богатый материал по проблеме определения ценности фронтовых дневников для изучения психологии человека воюющего дает дневник Марата Сергеевича Шпилева. Среди проанализированных источников данный документ выделяется в плане описания эмоций, страхов, рефлексирования по поводу пережитых событий. Главный мотив записей его дневника – трагическое восприятие постоянной угрозы смерти: «6.3.44 г. ... Стрельбы не слышно. Прямо как будто и нет войны. Вспомнился дом, веселое время.

Эх, как далеко это и невозвратно. И сейчас эта грань так остро чувствуется. А ведь скоро смерть. Чувствую себя прямо обреченным на погибель. Состояние, как у приговоренного к смерти. Да и как не чувствовать своей смерти? Уж такова судьба.

Ну, пока и все. Будет если время, напишу, а то пойдет муштра, строительство, а потом бой, ну, и некогда будет. Хлебца не хватит. Тут есть мирные жители. А уже пахнет весной, так и волнует душу молодого, обреченного на смерть. Жду худшего»²¹. Или запись от 22 марта 1944 г.: «... Ну, прощай, тыл, прощай, и жизнь. "Сражусь с фашистом я проклятым, где пуля ждет давно меня". Какие-то сюрпризы готовит мне будущее? Жизнь, смерть, ранение? Дождусь ли я конца войны? Увижу ли кого из знакомых? Нет! Конечно, нет – жду худшего и только худшего...»²². Данное настроение автора можно объяснить относительно долгим пребыванием на передовой, усталостью от войны, обостренным восприятием реальности и ощущением одиночества, поскольку, как следует из биографии автора,

¹⁸ Мы все войны шальные дети... С. 26–27.

¹⁹ Там же. С. 87.

²⁰ Там же. С. 93–94.

²¹ Мы все войны шальные дети... С. 273.

²² Там же. С. 275.

Марат Сергеевич был творческим человеком (после войны работал художником, писал стихи и прозу)²³. Возможно, именно поэтому настолько тяжело психологически ему давалось участие в войне.

Этим можно объяснить то магическое значение, которое приобрела авторучка для М. С. Шпилева, и значимость ее потери: «27.4.44 г. Потеряна ручка, а с ней и счастье»²⁴. И дальше он в своих записях не раз еще обращается к этой теме: «Утро под 28.4.44 г. Сегодня первый день без авторучки... Я как без рук. Как я любил ее! Без нее я действительно...»²⁵. По нашему мнению, автор дневника боялся быть непонятым, высмеянным за свои волнения, поэтому потеря авторучки у него связывалась с потерей счастья. Видимо, для Марата Сергеевича возможность писать о своих переживаниях была своего рода отдушиной, возможностью выговориться, удовлетворить свои потребности в общении.

Другое восприятие постоянной угрозы смерти в условиях военной повседневности мы видим у С. Я. Беседина. Так, 19 ноября 1941 г. С. Я. Беседин едва не погиб, что он довольно спокойно и безэмоционально зафиксировал: «Заняли ОП ПТО. Связь с НП установили по радио. Утро. Туман. Батарея ведет сокрушительный огонь. Вдруг немецкие танки. Штук 40. Батарея открыла огонь. 7 штук загорелось, остальные идут. Раздавили батарею, я и не успел залезть в ровик. Зашли на ОП 3 танка. Один стал в 3 метрах от меня. Танкист вылезал до пояса. Я две РГД бросил под танк. Танк повернулся, и на меня. Я отвернулся и танк прошел мимо меня в неск. сантиметрах. Второй танк пошел правее ломать. Еле вырвались»²⁶. Только в последнем предложении автор записей несколько дал волю эмоциям, что позволяет сделать вывод о неординарности, нестандартности данного события для Сергея Яковлевича. Подобное восприятие экстремальных условий военной повседневности прослеживается у всех остальных авторов дневников, проанализированных в данной статье, что объясняется, во-первых, длительностью участия в войне (комбатанты, вероятно, привыкли к ощущению опасности), во-вторых, психологическими особенностями человека.

В каждом из проанализированных источников авторы прямо или косвенно касались темы восприятия противника.

Литература

1. Соколов А. К. Введение. Путь к современной лаборатории изучения новейшей истории России // Соколов А. К., Бокарев Ю. П., Борисова Л. В., Журавлев С. В., Мухин М. Ю. Источниковедение новейшей истории России: теория, методология, практика. М.: Высш. шк., 2004. С. 4–71.
2. Филатова Н. М. Подходы к изучению эго-документов в современной исторической науке в свете «лингвистического поворота» // Документ и «документальное» в славянских культурах: между подлинным и мнимым / отв. ред. Н. М. Куренная. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 24–40. DOI: 10.31168/0402-2.2
3. Тажиудинова И. Г. «Жизнь на войне» в дневниках советских офицеров 1941–1945 гг. // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2015. № 4. С. 150–158.

²³ Там же. С. 268.

²⁴ Там же. С. 280.

²⁵ Там же. С. 281.

²⁶ Архивный отдел Администрации Панкрушихинского района Алтайского края. Ф. 109. Оп. 1. Д. 15. Л. 4–4 об.

²⁷ Ширяев К. Г. Путевые заметки за границей (02.02.1945–17.09.1945)... С. 50.

Наиболее характерно образ врага у советского военнослужащего в период Великой Отечественной войны проявляется в фиксации от 13 мая 1945 г. Константина Георгиевича Ширяева: «По одной стороне идут одна за другой наши машины, другая вся запружена сплошным потоком немцев. Вот они, довоевались. Сколько их, куда они идут – эти животные в зеленых мундирах, без оружия, с котомками за плечами. Далеко вам идти, да и тяжело будет. Таранить хочется. Хотелось бы отдохнуть в холодке. Ничего, идите. Сами избрали себе такой путь. Благодарите фюрера»²⁷. Подобное отношение к противнику для человека, прошедшего почти всю войну, увидевшего ее ужасы, является довольно типичным [26].

Заключение

Ведение дневников в годы Великой Отечественной войны выполняло множество функций, главными из которых являлись фиксация важных для автора событий, впечатлений, фактов, а также его эмоциональная разрядка. «Фронтovому дневнику свойственны несколько иные черты. Он зачастую жестче, даже "злее", фиксирует информацию в более сжатых формах, утилитарная составляющая менее выражена. <...> На первом плане "лично пережитое": участие в боях, увиденное за сотни и тысячи километров от дома, рефлексия по поводу человеческих отношений в экстремальных условиях войны» [24, с. 43].

Фронтovые дневники обладают большим потенциалом для исследования антропологического содержания Великой Отечественной войны. Дневниковые записи как источник для изучения военной повседневности, санитарно-бытовых условий, хода боевых действий, психологии человека воюющего, восприятия противника дают возможность расширить сформированное представление о войне, увидеть ее «из окопа», глазами рядовых солдат и офицеров. Отметим, что изучение антропологического содержания Великой Отечественной войны не представляется возможным без использования всех типов и видов исторических источников, но документы личного происхождения являются основными в данном вопросе.

4. Киселев И. В., Тажидинова И. Г. Фронтальная повседневность старшего лейтенанта В. Г. Морозова. Дневник из собрания Новороссийского исторического музея-заповедника // Вестник архивиста. 2016. № 2. С. 83–98.
5. Макарова Н. Н. Ценность вещей в военное время (по материалам источников личного происхождения, Магнитогорск 1941–1945 гг.) // Актуальные проблемы современной науки, техники и образования. 2016. Т. 2. С. 231–233.
6. Хубулова С. А., Сосранова З. В. Эго-документы как исторический источник по Первой мировой войне // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 1. С. 116–122.
7. Иванов А. Ю. Принципы текстологического анализа эго-документов XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 1-2. С. 85–87.
8. Шевелёв И. Г. Эго-документы как источники по изучению психологии участников Первой мировой войны (на примере архива семьи Смоляков) // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2017. № 5. С. 61–70.
9. Бондарь И. А. Эго-текст и эго-документ в литературном процессе // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. 2013. № 6. С. 107–115.
10. Малышева Е. М. К вопросу об источниках личного происхождения в исследовании социальной истории Великой Отечественной войны // Россия в условиях кризисов XIX–XX веков: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 100-летию Русской революции 1917 г. и 75-летию начала Сталинградской битвы. (Оренбург, 20–21 апреля 2017 г.) Оренбург: ОГПУ, 2017. Т. 2. С. 46–51.
11. Источниковедение / отв. ред. М. Ф. Румянцев. М.: Изд. дом ВШЭ, 2019. 685 с.
12. Русина Ю. А. Методология источниковедения. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 204 с.
13. Иванова Н. Н. Видовая и внутривидовая классификация источников личного происхождения: проблемы источниковедческого анализа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2006. № 3. С. 105–110.
14. Варшавский Д. И. Мемуары, дневники и письма как исторический источник в вопросе изучения фронтового быта советских солдат в Великой Отечественной войне // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2012. № 4. С. 18–22.
15. Галиуллина Д. М. Проблема изучения мемуаров в отечественной исторической мысли // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2006. Т. 148. № 4. С. 36–45.
16. Дмитриев С. С. Воспоминания, дневники, частная переписка // Источниковедение истории СССР / под ред. И. Д. Ковальченко. М.: Высш. шк., 1973. С. 393–414.
17. Матханова Н. П. Сибирская мемуаристика XIX века. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. 551 с.
18. Житомирская С. В. Вопросы научного описания рукописных мемуарных источников // Археографический ежегодник за 1976 год / отв. ред. С. О. Шмидт. М.: Наука, 1977. С. 41–59.
19. Кабанов В. В. Исторические источники советского периода // Данилевский И. Н., Кабанов В. В., Медушевская О. М., Румянцев М. Ф. Источниковедение: Теория. История. Метод. Источники российской истории. М.: РГГУ, 1998. С. 505–666.
20. Русина Ю. А. Источниковедение новейшей истории России. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. 236 с.
21. Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика XIX века. М.: Наука, 1980. 312 с.
22. Сенявская Е. С. 1941–1945. Фронтное поколение. Историко-психологическое исследование. М.: Институт российской истории РАН, 1995. 220 с.
23. Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999. 383 с.
24. Тажидинова И. Г. Дневники участников Великой Отечественной войны: потенциал источника // Культурная жизнь Юга России. 2012. № 2. С. 39–43.
25. Кузнецов А. С. Фронтальной дневник С. Я. Беседина как источник для изучения антропологического содержания Великой Отечественной войны // Гуманитарные проблемы военного дела. 2016. № 4. С. 44–47.
26. Кузнецов А. С. Образ врага в документах личного происхождения: на примере сравнения источников о Великой Отечественной войне // Сибирь в Великой Отечественной войне: сб. мат-лов Всерос. науч. конф., посвященной 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. (Новосибирск, 27–28 апреля 2015 г.) Новосибирск: Институт истории СО РАН; Параллель, 2015. С. 153–160.

Military Diaries: Content, Features, and Potential (Based on the Great Patriotic War Sources)

Alexandr S. Kuznetsov^{a, b, @, ID}

^a Secondary School 70, Russia, Barnaul

^b Altai State Pedagogical University, Russia, Barnaul

@ hist-kas@mail.ru

ID <https://orcid.org/0000-0003-1400-8671>

Received 21.01.2020. Accepted 21.05.2020.

Abstract: The present research featured the content, specific features, and potential of military diaries as a historical source in the anthropology of the Great Patriotic War. The study was based on the views of the leading Soviet and modern specialists in the field of source studies and historical methodology. The author defined three approaches to the place of diaries in the classification of historical sources: 1) diaries as ego-documents, 2) military diaries as memoirs, 3) diaries as a separate group of personal documents. The research objective was to determine the potential of military diaries as a source for anthropological studies of the Great Patriotic War. The method of content analysis revealed the most important aspects for the diary writers in extreme military environment. The biographical method based on the diary analysis made it possible to describe the image of homo militaris during the Great Patriotic War. Military diaries demonstrated a great potential for studies of war routine, healthcare, psychology, and enemy perception through the eyes of an ordinary military participant, the psychology of warring man, the perception of an enemy during World War I.

Keywords: sources of personal origin, ego-documents, source studies, historical source potential, anthropological content of the Great Patriotic War

For citation: Kuznetsov A. S. Military Diaries: Content, Features, and Potential (Based on the Great Patriotic War Sources). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(2): 329–339. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-2-329-339>

References

1. Sokolov A. K. Introduction. The path to a modern laboratory for studying the recent history of Russia. Sokolov A. K., Bokarev Yu. P., Borisova L. V., Zhuravlev S. V., Mukhin M. Yu. *Sources of recent history of Russia: theory, methodology, and practice*. Moscow: Vyssh. shk., 2004, 4–71. (In Russ.)
2. Filatova N. M. Approaches to the study of ego documents in modern historical science in the light of the "linguistic turn". *The document and the "documentary" in Slavic cultures: between the true and the imaginary*, ed. Kurennaya N. M. Moscow: Institut slavianovedeniia RAN, 2018, 24–40. (In Russ.) DOI: 10.31168/0402-2.2
3. Tazhidinova I. G. "Life in the War" in the diaries of Soviet officers. 1941–1945. *Vestnik Cheliabinskoi gosudarstvennoi akademii kultury i iskusstv*, 2015, (4): 150–158. (In Russ.)
4. Kiselev I. V., Tazhidinova I. G. Frontline daily life of first lieutenant V. G. Morozov: a diary from the collection of the Novorossiysk historical museum-preserve. *Vestnik arhivista*, 2016, (2): 83–98. (In Russ.)
5. Makarova N. N. The value of things in wartime (based on sources of personal origin, Magnitogorsk 1941–1945). *Aktualnye problemy sovremennoi nauki, tekhniki i obrazovaniia*, 2016, 2: 231–233. (In Russ.)
6. Hubulova S. A., Sosranova Z. V. Ego-documents as a historical source of the First World War. *Humanities, Social-economic and Social Sciences*, 2015, 1: 116–122. (In Russ.)
7. Ivanov A. Yu. Principles of textual analysis of ego-documents of the XX century. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kulturologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*, 2014, (1-2): 85–87. (In Russ.)
8. Shevelov I. G. Ego-documents as the sources for the study of the psychology of the participants of the First World War (on an example of the Smolyak's family archive). *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, 2017, 5 (26): 61–70. (In Russ.)
9. Bondar I. A. Ego-text and ego-document in literary process. *Izvestiia vysshikh uchebnykh zavedenii. Problemy poligrafii i izdatelskogo dela*, 2013, (6): 107–115. (In Russ.)
10. Malysheva E. M. To the issue of sources of personal origin in the study of the social history of the Great Patriotic War. *Russia in the conditions of crises of the XIX–XX centuries: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., dedicated to the 100th anniversary of the Russian*

- Revolution of 1917 and the 75th anniversary of the beginning of the Battle of Stalingrad, Orenburg, April 20–21, 2017. Orenburg: OGPU, 2017, vol. 2, 46–51. (In Russ.)
11. *Source studies*, ed. Rumiantseva M. F. Moscow: Izd. dom VShE, 2019, 685. (In Russ.)
  12. Rusina Iu. A. *The methodology of source studies*. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2015, 204. (In Russ.)
  13. Ivanova N. N. Typology and internal divisions classification of memories, diaries and letters: problems of source study methodology. *RUDN Journal of Russian History*, 2006, (3): 105–110. (In Russ.)
  14. Varshavski D. I. Memoirs, war diaries and letters as a historical source for studying the Soviet soldiers' way of life at the front during the Great Patriotic War. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskie nauki*, 2012, (4): 18–22. (In Russ.)
  15. Galiullina D. M. On the problem of studying memoir in Russian historical science. *Uchenye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2006, 148(4): 36–45. (In Russ.)
  16. Dmitriev S. S. Memoirs, diaries, private correspondence. *Source studies of USSR history*, ed. Kovalchenko I. D. Moscow: Vyssh. shk., 1973, 393–414. (In Russ.)
  17. Matkhanova N. P. *Siberian memoirs of the XIX century*. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2010, 551. (In Russ.)
  18. Zhitomirskaya S. V. Issues of the scientific description of handwritten memoirs. *Archaeographic Yearbook for 1976*, ed. Schmidt S. O. Moscow: Nauka, 1977, 41–59. (In Russ.)
  19. Kabanov V. V. Historical sources of the Soviet period. Danilevsky I. N., Kabanov V. V., Medushevskaya O. M., Rumyantseva M. F. *Source Studies: Theory. History. Method. Sources of Russian history*. Moscow: RGGU, 1998, 505–666. (In Russ.)
  20. Rusina Iu. A. *Source studies of the recent history of Russia*. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2015, 236. (In Russ.)
  21. Tartakovskii A. G. *1812 and Russian memoirs of the XIX century*. Moscow: Nauka, 1980, 312. (In Russ.)
  22. Senyavskaya E. S. *1941–1945. Front generation. Historical and psychological*. Moscow: Institut rossiiskoi istorii RAN, 1995, 220. (In Russ.)
  23. Senyavskaya E. S. *The Psychology of War in the XX century: Russia's Historical Experience*. Moscow: ROSSPEN, 1999, 383. (In Russ.)
  24. Tazhidinova I. G. The diaries of the Great Patriotic War participants: potential of the source. *Kulturnaya zhizn Yuga Rossii*, 2012, (2): 39–43. (In Russ.)
  25. Kuznetsov A. S. Frontline diary of S. Y. Besedin as a source for the study of anthropological content of the Great Patriotic War. *Gumanitarnye problemy voennogo dela*, 2016, (4): 44–47. (In Russ.)
  26. Kuznetsov A. S. Image of the enemy in source of personal origin: by comparing sources the Great Patriotic War. *Siberia in the Great Patriotic War: Proc. All-Russian Sci. Conf., dedicated to the 70th anniversary of the Victory of the Soviet people in the Great Patriotic War*, Novosibirsk, April 27–28, 2015. Novosibirsk: Institut istorii SO RAN; Parallel, 2015, 153–160. (In Russ.)